
В каждом из нас есть скрытый мерзавец, но сидящий там же приличный парень не дает ему выйти наружу.

Эдвин Лик

Самая страшная тюрьма та, которая построена у тебя в голове.

Назим Хикмет

Следует зрело и неоднократно обдумывать свои планы до приведения их в исполнение. Но, даже взвесив все самым основательным образом, необходимо принимать в соображение несовершенство всякого человеческого знания, вследствие которого всегда могут встретиться обстоятельства, рассмотреть и предусмотреть которые невозможно, но при которых весь расчет может оказаться неверным.

Артур Шопенгауэр

Глава 1

Поезд на Берлин отходил в девять часов утра с Белорусского вокзала. В состав поезда входили различные вагоны, в том числе и тот, который следовал до Парижа. Но самым примечательным был так называемый вагон премьер-класса, или двести пятьдесят пятый. Таков был номер этого вагона. Сюда покупали билеты

только очень состоятельные люди. Вагон состоял из четырех больших купе, в которых была соответственно одна двухспальная кровать и еще верхняя, рассчитанная на одного человека. У каждого купе был свой индивидуальный санузел, где, кроме привычного умывальника, были еще унитаз с автономным сливом воды и большая душевая кабина. В каждом купе стоял плазменный телевизор, а в конце вагона находился небольшой бар, где пассажиры, ехавшие в этом необычном вагоне, могли выпить чашку кофе или пообедать. К пассажирам этого вагона были приставлены специальные официанты, которые обслуживали гостей на протяжении всего пути до государственной границы между Белоруссией и Польшей.

Билеты в этот вагон стоили больше тысячи долларов в один конец. По не понятной никому причине, если билеты покупали в Москве, то они стоили более тысячи «зеленых», а если в Берлине, то около шестисот в пересчете с евро, и никто не мог объяснить подобной метаморфозы, тем более что и состав, и вагоны были российскими. Очевидно, кто-то из высоких начальников посчитал, что своим гражданам и на собственной территории билеты нужно прода-

вать в два раза дороже, чем за рубежом. Логика была странная, но никто и не пытался ее понять.

Первым на вокзале появился полноватый мужчина среднего роста. Он поминутно оглядывался по сторонам, поторапливая своего водителя, который нес за своим боссом два больших чемодана. Они дошли до вагона, и мужчина протянул проводнику свой билет.

— Четвертое купе, — сообщил он тонким голосом. У него были круглые щеки, изогнутые полумесяцем брови, большой чувственный рот и нос картошкой. Он был одет в серый костюм и темную рубашку.

— Проходите, — улыбнулся проводник, — и можете сразу положить ваши чемоданы в душевую кабину, чтобы они не мешали вам в купе.

— Так мы и сделаем, — кивнул пассажир, протискиваясь в вагон. За ним, подняв оба чемодана, поспешил его водитель, высокий молчаливый парень в кепке и кожаной куртке.

Водитель покинул вагон уже через минуту. Как раз в это время на перроне появилась странная пара. Мужчине было далеко за шестьдесят. Он был выше среднего роста, элегантно одетый в серые брюки и синий клубный пид-

жак. Редкие седые волосы были аккуратно подстрижены. У него была характерная запоминающаяся внешность — большой нос с горбинкой, седые кустистые брови, нависшие над глазами, тонкие, упрямо сжатые губы и едва заметный шрам на подбородке. В нем чувствовалась та внутренняя сила, которая отличает аристократов или индивидов с сильной волей от прочих людей. Рядом шла его спутница. Ей было лет тридцать пять или сорок — во всяком случае, точно не больше. Ростом она была почти как ее спутник. Эффектная блондинка с обращающими на себя внимание длинными ногами, высокой грудью и широкими бедрами. Она была в голубом брючном костюме явно от кого-то из известных французских модельеров. В руках — характерная сумочка с логотипом Dolce & Gabbana. Туфли на высоких каблуках тоже были этой марки.

Эту пару сопровождали двое мужчин, которые несли сумки и чемоданы. Они показали билеты проводнику, сообщив, что парочка проследует в третье купе. Проводник приветливо кивнул, с любопытством посмотрев на молодую спутницу пожилого господина. В последнее время такие пары встречались все чаще и чаще.

Пятидесятилетние мужчины, которым в момент развала Советского Союза было тридцать, часто меняли своих прежних жен на новых, с модельной внешностью. Устоявшееся мнение, что эффектные блондинки всегда дурочки с куринными мозгами, не соответствовало действительности. Хотя с точки зрения интеллигентов-шестидесятников, они так дурами и оставались — не читали книг, ничего не знали о культуре, не отличали Пикассо от Ренуара, а Кандинского от Ван Гога, путали Мравинского со Стравинским или Тарковского с Кончаловским.

Но, по большому счету, разве многие могут похвастаться подобной эрудицией? И разве она помогает зарабатывать деньги, если вы не искусствовед или культуролог? Да и в этом случае вы получаете ничтожно мало за свои академические знания. Зато современные блондинки знали, чем отличается Chanel от Prada, кто такие Dolce и Gabbana и какова их сексуальная ориентация. Понимали разницу между Valentino и Armani. Точно знали, с кем спит премьер-министр и с кем не спит президент страны. Они смотрели новые фильмы в формате 3D. Самое важное, что они лучше любого «Форбса» знали истинные размеры состояний всех нуворишей,

точную цену каждого из олигархов, их связи, пристрастия, симпатии и антипатии. На любого холостого олигарха мгновенно устраивалась многоходовая охота с привлечением любых средств и влиятельных друзей. Они знали модных режиссеров и актеров, художников и писателей, в той мере, какая нужна для поддержания светского разговора. Они были глубоко невежественны и вместе с тем поразительно осведомлены. Их знания по предметам обычной школы едва тянули на тройку, тогда как познания в области человеческой психологии, мотивов поведения каждой из соперниц и особенно поведения состоятельных мужчин просчитывались ими на уровне серьезных академических вузов.

Вошедший в купе со своей молодой спутницей мужчина находился на склоне лет. Такие обычно не так просто поддавались чарам молодых красавиц. Сказывались их жизненный опыт и мудрость, нажитая с годами. Раздел этот проходил точно по девяносто первому году. Все, кому тогда было в районе тридцати и меньше, охотно приняли новые правила игры, меняя старых жен на более молодых и успешных. Те, кому было далеко за сорок, весьма осторожно относились и к подобной «перемене слагае-

мых», и вообще к серьезным изменениям в своей жизни и в своем имидже. Может, поэтому среди олигархов и среди самых богатых людей России практически не было лиц старше шестидесяти лет. Подобным было трудно перестраиваться в годы, столь изменившие мир и их судьбу.

Мужчины, сопровождавшие эту пару, вышли из вагона, достали сигареты и молча закурили. На перроне появился высокий человек с небольшим чемоданом, который он катил за собой. Оба куривших насторожились, внимательно наблюдая за вновь прибывшим. Тот подошел к проводнику и, не обращая на них никакого внимания, протянул свой билет.

— У меня второе купе, — сообщил он и тут же спросил: — На границе мы будем вечером?

— Да, — кивнул проводник. — У вас есть какие-нибудь пожелания?

— Я обычно прошу сообщать заранее, — пояснил незнакомец, — чтобы не беспокоить лишних раз таможенников. У меня дипломатический паспорт.

— Понимаю, — кивнул проводник, — спасибо, что сказали. Проходите в свое купе. Вам помочь?

— Нет, спасибо. — Мужчина вошел в вагон и поднял за собой чемоданчик.

— У него дипломатический паспорт, — сказал один из куривших у вагона мужчин.

— Ничего особенного. Дипломат, явно не из наших, — усмехнулся другой.

Проводник услышал их реплики, но не стал переспрашивать. В конце концов, это было не его дело.

За пять минут до отправления на перроне появилась высокая женщина лет сорока. У нее была пышная прическа, словно она успела рано утром забежать в парикмахерскую специально для того, чтобы успеть причесаться к отходу поезда. Немного вытянутый нос, темные миндалевидные глаза, длинная шея, какая обычно бывает у балерин. Ее чемодан и сумку нес мужчина лет пятидесяти, очевидно водитель или помощник.

— У меня первое купе, — сообщила женщина, протягивая билет, — Наталья Робертовна Лакшина, вот мой паспорт.

— Паспорт пока не нужен, — улыбнулся проводник, — только билет. Паспорт будет нужен на границе.

— Поднимите мои вещи в купе, — распорядилась женщина.

Ее провожатый поднялся в вагон следом за ней. Курившие на перроне мужчины переглянулись.

— Проверь четвертое, — негромко приказал первый мужчина.

Второй поднялся в вагон, прошел по коридору и постучал в четвертое купе.

— Да-да, — отозвался пассажир, открывая дверь. Он успел переодеться и от этого выглядел еще комичнее. Спортивный костюм, подчеркивавший всю нелепость его фигуры, довольно большой «пивной» животик, маленькие кривые ноги, впалые плечи и широкое лицо. Пассажир удивленно посмотрел на стучавшегося.

— Что вам нужно? — фальцетом спросил он.

— Извините, — пробормотал мужчина, — кажется, я ошибся.

Он прошел по коридору и вышел на перрон.

— Какой-то непонятный хмырь, — сообщил он своему напарнику, — похож на фраера. Маленький, толстый, неуклюжий.

— Ты людей по внешнему виду не суди, — посоветовал первый, — если он толстый и маленький, это еще ничего не значит. Больше там никого нет?

— Кажется, нет. Можно спросить у проводника.

— Не нужно. Они все по ходу стукачи. Не нужно дергаться и привлекать внимание. Сейчас поезд отойдет. Доставай билеты. У нас купе в соседнем вагоне. Рядом будет Костя, он сойдет в Бресте.

— Я помню, — кивнул второй.

Стоявший в тамбуре вагона высокий мужчина слышал их реплики. Когда парочка отошла от вагона, он выглянул. Мужчины спешили в соседний вагон.

— Сегодня у вас полный вагон пассажиров, — заметил высокий.

— Да, — удивленно сказал проводник, — давно такого не было. Обычно бывают заняты два или три купе. А чаще всего одно. Не все готовы платить такие деньги за эти места. Легче купить билет бизнес-класса на самолет.

— Некоторые не любят летать самолетом, — возразил пассажир.

— Верно, — согласился проводник, — поэтому и ездят в наших вагонах. Когда тронемся, к вам придет официантка. Скажите ей, когда вы хотите завтракать, обедать и ужинать. Она принесет вам меню. Но только учтите, что там есть лимит... Она вам все расскажет.

— Я знаю, — улыбнулся пассажир, — я уже несколько раз ездил в ваших вагонах.

Он повернулся и пошел в свое купе. Проводник неспешно поднялся следом. Поезд медленно тронулся. Проводник увидел своего напарника, который возвращался от начальника состава.

— У нас полная загрузка, — сообщил он, — все четыре купе заняты.

Напарник молча пожал плечами. Он даже не предполагал, что именно произойдет сегодня вечером и чем закончится их очередная поездка.

Высокий мужчина прошел в свое купе, запер дверь, переоделся. Достал ноутбук, положив его на столик, рядом пачку свежих газет. В этот момент позвонил его мобильный телефон. Он включил аппарат.

— Да, — спокойно подтвердил он, — меня обычно называют Дронго.

Глава 2

Он не любил летать самолетами, но в современном мире полностью отказаться от этого вида транспорта практически невозможно. И дело не только в расстояниях. Поезд, идущий от Ба-

ку до Москвы, будет находиться в пути почти трое суток, если в очередной раз не взорвут железнодорожную колею, связывающую две столицы. При этом нет никакой гарантии, что вас не взорвут вместе с вагоном, в котором вы находитесь. В последние годы маршрут изменился, и если раньше поезда шли через Грозный и Ростов, то теперь их пустили в обход, через Волгоград. Но, даже несмотря на такое изменение, гарантий безопасности практически не было, а пребывание в таких вагонах в течение двух с половиной дней превращалось в сущую пытку. Тогда как самолет летел всего два с половиной часа. Примерно такая же ситуация была и с поездками в Европу, когда из Баку нужно было добираться до Стамбула, откуда уходили поезда в Европу. В последние годы все время лоббировался вопрос о строительстве железнодорожной ветки Баку — Тбилиси — Карс. Но и эта дорога не могла быть безопасна от покушений курдских боевиков, которые уже много лет боролись с турецким правительством. Ради справедливости стоит сказать, что курды понимали разницу между азербайджанцами и турками, хотя первые были всего лишь огузскими турками, а вторые — османскими. Курды старались

не ссориться с азербайджанцами, но зато беспощадно убивали представителей турецкой армии и государства. Разумеется, и в Стамбул приходилось летать на самолете, не говоря уж о поездках в азиатские страны — Японию, Китай, Таиланд, Индию или в страны Западного полушария, куда вообще невозможно было переправиться по земле, а путешествие по воде занимало не дни, а недели.

Зато в Европе было очень удобно пользоваться именно поездами, ведь небольшие расстояния и скоростные экспрессы делали путешествие не только удобным, но и быстрым. Поезда даже соревновались с самолетами. Во всяком случае, на поездку в аэропорт, оформление билетов, вылет из Парижа в Лондон и на дорогу в город из аэропорта уходило гораздо больше времени, чем те два часа, за которые экспресс «Евростар» доставлял вас из одного города в другой.

Хотя и здесь следует заметить, что обслуживание, питание и сами поездки стали гораздо менее комфортными, чем при открытии Евротоннеля в конце девяностых. Среди скоростных поездов сумел сохранить свои традиции и привычный комфорт лишь испанский AVE, курси-

рующий между Мадридом и городами Андалузии. И еще — немецкие экспрессы, которые отправлялись точно по расписанию и сочетали удобство поездки с неплохим комфортом. При этом экспресс мог доставить вас за четыре часа из Кёльна в Берлин, то есть практически пересечь за это время всю Германию.

Дронго поднялся и посмотрел на себя в зеркало. Немного уставшие глаза, уже тронутые сединой виски, тяжелый подбородок, крупные черты лица. Ему уже далеко за сорок, давно не мальчишка. Нужно меньше путешествовать. Но он знает, что не сможет жить иначе. Завтра утром поезд прибудет в Берлин, и он поедет в отель «Бристоль», чтобы остановиться там на сутки. Затем он сядет на скоростной экспресс, отбывающий в Цюрих, а уже оттуда пересядет на поезд, идущий в Рим. И через три дня наконец обнимет Джил и детей.

Дронго услышал голоса в коридоре. Похоже, по вагону ходила официантка, принимавшая заказы. Он немного приоткрыл дверь. Официантка стояла у первого купе, что-то записывая в свой блокнот. Очевидно, у пассажирки из этого купе были какие-то особые поручения. Официантка все исправно записала и прошла дальше.

Дронго открыл ей дверь. Девушка была совсем молодой, не больше двадцати лет.

— Что вы будете заказывать? — спросила она. — Только учтите, что у нас лимит на тысячу рублей, и если...

— Я все знаю, — улыбнулся он. — Принесите мне первое и второе примерно часа в три или в половине четвертого. Что у вас на первое?

— Солянка или борщ.

— Тогда лучше солянку. Говорят, ее не может испортить даже плохой повар.

— У нас хороший повар, — обиженно сказала девушка.

— Не сомневаюсь. Это я пошутил. Что на второе?

— Курица и свинина. Что вам больше нравится?

— Давайте курицу.

— А какой гарнир заказать? Есть рис, макароны и жареный картофель.

— Давайте рис. И еще какой-нибудь салат.

— А на ужин?

— Это мы решим днем, — улыбнулся он. — Насколько я помню, на границе мы будем уже к семи часам вечера. Я могу просто не успеть поужинать.

— Мы работаем до шести, — сообщила она и прошла дальше.

Дронго не стал закрывать дверь и услышал ее разговор с пассажирами соседнего купе. Официантка громко постучалась, и дверь почти сразу открылась. Он услышал приятный женский голос.

— Завтракать мы не будем, собираемся отдохнуть. Запишите нас на обед. Примерно в два часа дня. Первое не нужно, только второе. Мне курицу. А ему... Если есть свинина, можете принести. Вместе с салатами и рисом. Нет, жареную картошку не нужно... Ты хочешь жареную картошку? — спросила она у мужчины.

Очевидно, он в это время был в санузле, так как его глуховатый голос Дронго не различил. Но официантка услышала и кивнула.

— Вам рис, а ему жареный картофель, — записала она. — Что закажете на ужин?

— Что-нибудь легкое. Посмотрите в меню, что у вас есть из диетических блюд. Если ничего нет, то принесете нам две бутылки кефира. Его тоже нет? Тогда еще две порции греческого салата с сыром и две порции зелени. Достаточно. Примерно часам к восьми вечера.

— Нет, — ответила официантка, — к восьми

часам вечера нас уже отцепят. Мы едем с вами до Бреста. Примерно до семи вечера. Значит, нужно заказывать на шесть, не позже.

— Тогда принесите два салата, — распорядилась женщина.

Официантка прошла к следующему купе. Пассажир разрешил ей открыть дверь. Дронго услышал, как он перечисляет блюда, которые хотел бы съесть на завтрак, на обед и, наконец, на ужин. Он явно собирался превзойти лимит...

Дронго уже было собрался закрыть дверь, когда увидел, что по коридору идет один из тех двоих мужчин, которые курили у их вагона. Он закрыл дверь, прислушался. Мужчина подошел к третьему купе и постучал в дверь, потом вошел, неплотно закрыв за собой створку.

— Что случилось? — услышал Дронго вопрос пожилого пассажира, следующего в соседнем купе.

— Пока все нормально, — ответил пришедший, — мы проверили и два соседних вагона. Подозрительных нет или почти нет...

— Закрой дверь плотнее, — посоветовал пассажир, — а потом мы поговорим.

Дверь захлопнулась. Дронго подумал, что его любопытство в данном случае не будет очень

уж предосудительным, если он послушает, о чем говорят по соседству. И он припал ухом к стене, хотя разговор был чуть слышен.

— Там никого нет, — докладывал мужчина, — в вагоне едут пожилые люди, две семейные пары, дети, старики, женщины. В нашем вагоне первое купе занимает женщина лет сорока — очевидно, едет к мужу или сыну. Во втором купе высокий незнакомый мужчина, но он предупредил проводника, что у него дипломатический паспорт, и мы поняли, что его не нужно опасаться...

— Почему? — насмешливо спросил пожилой пассажир. — Разве так трудно купить дипломатический паспорт любого соседнего государства? Просто цена будет другой.

— Но он не стал бы соваться с таким паспортом на границу, — резонно возразил гость, — чтобы лишний раз не подставляться.

— Это верно, — согласился пожилой. — А кто едет в четвертом купе?

— Какой-то бизнесмен. Гаврилко Анатолий Александрович. По внешнему виду похож на торговца бубликами. Суетливый, полный, маленького роста. Чего-то, похоже, боится — заперся в своем купе и не выходит.

— Может, он и не боится, а играет, — заметил пожилой. — Ладно, все. Нужно следить за всеми. И за женщиной, и за дипломатом, и за этим Гаврилко. За всеми троими. Принеси мне оружие. Хочу, чтобы у меня в купе был пистолет.

— Принесу, — согласился гость.

— Мы будем проходить границу, — напомнила женщина, — у нас могут возникнуть неприятности. Ты говорил, что оружие принесут нам после того, как мы пройдем границу.

— Не беспокойся, — ответил пожилой, — здесь его не найдут. А как быть с вашими «пушками»?

— Рядом едет Костя, — сообщил гость, — если нужно, он подстрахует. Мы так и договорились, что он выходит в Бресте с нашими «игрушками». А мы потом нужные вещи сможем достать и в Германии.

— Правильно, — согласился пожилой. — И будьте осторожны. Костя, кажется, местный? Пусть он сразу уходит, не дожидаясь, пока на него обратят внимание местные пограничники. Все понятно?

— Сделаем, — ответил мужчина. — Я вам больше не нужен?

— Ты мне всегда нужен, Захар. Но сейчас мо-

жешь возвращаться обратно в свой вагон. Ты звонил в Берлин?

— Да, там все нормально. Нас встретят прямо на вокзале.

— Это хорошо. Предупреди Руслана, что спать вы сегодня будете по очереди.

— Он знает. Но нам говорили, что этот вагон закроют от остальных. Здесь едут особенные пассажиры, и вход в него обычно закрывают.

— Правильно делают. А сейчас иди. Если понадобится, я вас вызову. У меня оба мобильника включены.

— У нас тоже, — ответил Захар и вышел из купе.

«Кажется, у меня не очень приятные соседи», — подумал Дронго, прислушиваясь, как Захар уходит по коридору.

— Альбина, ты ничего не бойся, — продолжал пожилой пассажир, — сегодня ночью мы уже будем в Польше, а завтра — в Берлине. Оттуда сразу уедем в Италию. Там нас уже никто не достанет.

— Надеюсь, что не достанет, — согласилась Альбина. — Ты ведь помнишь, что они сделали с нашей машиной на прошлой неделе? Я все это до сих пор во сне вижу.

— Нам ничего не грозило, — возразил ее спутник, — ребята все равно проверили бы машину, прежде чем пускать нас туда. А те, кто взорвал машину, просто хотели меня напугать. Если бы хотели убить, то дистанционное управление сработало бы в тот момент, когда мы сидели внутри. Они хотели только напугать, а не убить.

— А сейчас?

— А сейчас хотят убить. Ладно, не нервничай. С нами едут несколько человек охраны. Как только мы доберемся до границы с Польшей, все будет в порядке. Ребята сдадут оружие, и с нами поедут только двое — для подстраховки: Захар и его напарник.

— Ты думаешь, этого достаточно?

— Конечно, достаточно. Меня не так-то просто убить, Альбина. Я ведь человек везучий и пуленепробиваемый. Знаешь, сколько раз меня хотели убить? Раз пять или шесть. А я, как видишь, все еще живой и здоровый, хоть и словил несколько пуль и меня пару раз воскрешали врачи. Но ничего, на здоровье не жалеюсь.

— Постучи по дереву, — посоветовала его спутница, — и не нужно ничего заранее говорить.

— Не буду стучать. Я не суеверный, — рассмеялся пожилой мужчина.

— Ты у нас молодец, — рассудительно сказала его спутница, которая больше годилась ему во внучки, чем в подруги, — и сил у тебя еще много.

— Надеюсь, что молодой. Особенно это приятно слышать от тебя, — довольным голосом хрюкнул пожилой. — Иди сюда...

Дронго отпрянул от стены. Дальше слушать было не только неэтично, но и бессмысленно. Он открыл дверь в свой санузел. Кран над умывальником срабатывал от сенсоров, когда рука оказывалась под ним. Дронго тщательно помыл руки, словно опасаясь какой-либо инфекции. Вернулся в купе и услышал, как к соседям снова стучат. Это был Захар. Очевидно, он принес обещанное оружие. Дверь открылась не сразу, женщина приводила себя в порядок. Затем Захар ушел, и в вагоне воцарилась тишина, прерываемая лишь приглушенными звуками из второго купе. Но на них никто из пассажиров не обращал никакого внимания.

Поезд, набирая скорость, двигался в сторону Белоруссии. Российско-белорусскую границу пассажиры даже не заметили. Примерно к трем

часам дня по российскому времени они прибыли в Минск. Официантка начала разносить заказанные обеды. Дронго взглянул на здание городского вокзала. Последний раз он был в Минске ровно десять лет назад с группой известных журналистов и писателей. Поразительно, что средства массовой информации исправно вещали о диктаторском режиме в Белоруссии, о притеснениях инакомыслящих, об апокалиптических картинах в этой стране. Все было ложью. Город чистый, уютный, домашний. Люди улыбались гостям, улицы поражали своей ухоженностью и чистотой. В этот день президент Белоруссии открывал памятник погибшим евреям — жертвам фашистского геноцида. Гости были поражены, ведь им рассказывали совсем о другой стране. Вечером за ужином один из российских журналистов, называющий себя «демократом», насмешливо улыбаясь, пытался объяснить гостям, что в этой стране сохранился «советский строй образца шестидесятых». Не дослушав его до конца, Дронго резко оборвал зарвавшегося гостя:

— Не нужно так плохо говорить о людях, которые нас принимают. И об обществе, в котором по-прежнему ценятся порядочность и чест-

ность. Зато здесь не считают деньги мериллом ума и таланта. Наверное, у них тоже есть недостатки, но давайте уважать их достоинства. Ведь они сумели сохранить их даже в столь сложное время.

Журналист лишь махнул рукой, не став спорить. Это было десять лет назад.

Дронго вглядывался в лица людей. Поразительная нация, в который раз подумал он о белорусах. За всю жизнь не встречал ни одного непорядочного белоруса. Наверное, они где-то есть — и непорядочные, и лживые. Но он никогда таких не встречал. А может, их и нет вообще? Может, этот народ, так ощутимо пострадавший во время войны и так решительно поднявшийся на борьбу с фашистскими оккупантами, оказался выше, чище, умнее своих соседей? Оставшиеся в живых не озлобились, не превратились в маргиналов, словно зараженные той высокой духовностью, которую белорусский народ проявил во время войны. Просто поразительный народ. Говорят, что французы скуповаты, итальянцы транжиры, англичане сдержанны, немцы рассудительны, а белорусы светятся от своей святости. Немного смешно, но, по существу, верно.

Поезд медленно отходил от станции. До границы было еще несколько часов. Из-за того что европейская и бывшая советская колеи разной ширины, поезда простаивают на границе по несколько часов, ожидая, пока поменяют колеса. Интересно, что этот процесс механизирован, и пассажиры даже не замечают, как он проходит. Но пребывание на границе все равно затягивается на три-четыре часа. Пограничники и таможенники с обеих сторон могли бы пропускать гораздо больше составов, если бы не это досадное ограничение.

К шести часам вечера официантка прошла по купе, собирая грязную посуду. Она принесла салаты в соседнее купе. Дважды приходил Захар, который осторожно стучался в дверь, проверяя, как себя чувствуют пассажиры третьего купе. Когда он пришел перед самой границей и ему открыли дверь, Дронго услышал, как молодая женщина негромко вскрикнула.

— Что случилось? — спросил ее спутник.

— Ноготь сломала. На правой руке, — пояснила его спутница.

— Ничего, — рассмеялся он, — наростим тебе ноготь в любой берлинской парикмахерской.

— Костя уходит, — сообщил Захар, — мы остаемся вдвоем.

Дронго в очередной раз подумал, что эти двое слишком плотно опекают пожилого пассажира из соседнего купе. Очевидно, они его телохранители. Но почему тогда они передали ему оружие, а сами не взяли купе рядом с ним, в этом вагоне? Скорее всего, для того, чтобы не привлекать к нему ненужного внимания сотрудников милиции или пограничников. Но почему? Кто едет в соседнем купе? Для чего нужна подобная маскировка?

К семи часам вечера состав был уже на границе. Первыми появились белорусские пограничники, осматривающие вагон. За ними пошли таможенники. Двери всех четырех купе были открыты. Дронго присел на край кровати, развернул газету. Он слышал, как в коридоре негромко переговаривались проводники. Пограничники забирали паспорта, громко называя пассажиров по именам и фамилиям. В первом купе ехала Наталья Робертовна Лакшина. В четвертом купе свой паспорт отдал Анатолий Александрович Гаврилко. Во втором купе был сам Дронго. И наконец, он услышал, как выкликнули имена пассажиров третьего купе.

Альбина Марковна Брустина — так звали эффектную блондинку — и Георгий Нодарович Цверава. Когда Дронго услышал имя своего соседа, он вздрогнул. Этого не могло быть. Таких совпадений просто не бывает. Теперь он точно знал, кто едет за стенкой и кем приходится Захар с Русланом этой странной парочке. Они действительно были телохранителями. В купе престижного вагона находился один из самых известных «воров в законе» Георгий Цверава, или, как его называли в блатном мире, Жора Бакинский. Он был родом из Баку и успел прославиться своей невероятной жестокостью и восемью судимостями, которые скопились к шестидесяти шести годам.

«Вот какой сосед мне достался», — невесело подумал Дронго, уже подозревая, что остаток путешествия может пройти совсем не так спокойно, как его начало.

Глава 3

После того как состав благополучно пересек белорусскую государственную границу, он оказался на территории Польши, которая теперь была не просто западным соседом России и Бе-

лоруссии, но и форпостом западного мира, даже формально став страной, входящей в Шенгенскую зону. И поэтому пограничники соответственно проверяли документы всех пассажиров на въезд в Европу по установленным общеевропейским стандартам. Нужно отдать должное полякам: почти все сотрудники говорили по-русски или хотя бы понимали пассажиров. К гостям, следующим в фирменном вагоне премьер-класса, пограничники и таможенники относились с особым уважением.

Польский пограничник улыбнулся Наталье Робертовне, сделал ей отметку в паспорте и уточнил, куда именно она едет.

— К своему брату в Женеву, — пояснила она, — только на одну неделю.

— Счастливого пути, — пожелал ей пограничник.

К обладателю дипломатического паспорта он отнесся подчеркнуто вежливо и корректно, даже не уточняя, куда именно направляется этот дипломат.

— Вы много путешествуете, — сказал он, обращаясь к Дронго.

— Да, — согласился тот, забирая паспорт, — иногда мне кажется, что слишком много.

В следующем купе пограничник забрал оба паспорта, тщательно просмотрел их.

— Вы муж и жена? — уточнил он, увидев разные фамилии.

— Какое вам дело? — дернулся Цверава. — Мы живем в гражданском браке. Или в Польше такие браки запрещены?

— Не нужно так нервничать, — посоветовал пограничник, внимательно рассматривая паспорт Цверавы. — Вы первый раз въезжаете в Европу?

— Нет. Конечно, не первый. А почему вы так решили?

— У вас новые паспорта и новые визы.

— Старые закончились, — ответил Цверава.

— И у пани тоже? — уточнил пограничник.

— Да. У нее тоже, — явно сдерживаясь, произнес Цверава.

— Я была спортсменкой, много ездила на соревнования, — вмешалась Альбина, — даже выступала у вас в Кракове на чемпионате Европы.

— По какому виду спорта? — уточнил офицер.

— Биатлон, — ответила она. — У вас есть еще вопросы?

— Нет. Все в порядке. Счастливого пути. — Он вернул им документы.

— Мерзавец, — пробормотал Цверава, когда пограничник прошел в следующее купе, — все ему интересно. А ты тоже нашла время лгать. Ты же говорила, что занималась лыжным спортом.

— Нужно было отвлечь его внимание, — попыталась оправдаться Альбина, — вот я и вспомнила про их чемпионат.

— У нас все в полном ажуре: документы и визы сделаны в немецком посольстве. Они не могут ни к чему придраться, — пробурчал Цверава. — И вообще, больше ничего не говори, когда я разговариваю с людьми. Я сам буду решать, когда тебе вступать в разговор. Поняла?

— Конечно. Не нервничай.

— Это очень важно. Будем считать, что сегодня ты сделала это в последний раз. В первый и в последний.

— Да, да, конечно, — торопливо согласилась она, хихикнула и добавила: — Даю тебе слово, что в последний раз.

Дронго вышел в коридор. Вокруг светились огни. Весь состав был освещен огнями пограничных прожекторов. Он услышал, как погра-

ничник спрашивает у пассажира из четвертого купе о цели его визита.

— Бизнес, коммерция, — пояснил Гаврилко. — У меня важные переговоры в Ганновере.

— Счастливого пути. — Пограничник вернул ему паспорт и пошел дальше.

В коридор из своего купе вышла Альбина и взглянула на Дронго. У нее были красивые зеленые глаза. Женщина была в светло-сером спортивном костюме известной немецкой фирмы.

Он улыбнулся, но она не приняла это как приглашение к разговору или даже знакомству. Напротив, посмотрела сквозь него, затем отвернулась и вошла обратно в купе, обдав его ароматом своего парфюма. Очевидно, имея такого грозного и ревнивого друга, как Георгий Цверева, она справедливо считала, что не может улыбаться чужому мужчине из соседнего купе. Следом за ней в коридор вышел сам Жора Бакинский. Он посмотрел на Дронго и кивнул ему в знак приветствия.

— Добрый вечер, — вежливо поздоровался Дронго.

— Как вы думаете, скоро они закончат? Я слышал, что вы дипломат?

— Думаю, что скоро. У них обычно работает

несколько бригад. Но вообще-то, я не совсем дипломат.

— Мы раньше встречались? — спросил Цверева, взглядываясь в Дронго.

— Не думаю, — ответил тот, — у меня хорошая память. Иначе я бы вас запомнил.

— Я бы вас тоже, — кивнул Цверева, — у вас слишком запоминающаяся внешность. Может, поэтому мне кажется, что я вас где-то видел.

— Возможно, где-нибудь на Кавказе, — согласился Дронго.

— Вы из Тбилиси? — уточнил Цверева.

— Нет, из Баку.

— Тогда мы земляки, — усмехнулся Цверева, — я тоже из Баку. Правда, уехал оттуда еще двадцать лет назад. Но с тех пор много раз возвращался. — Он протянул руку: — Меня зовут Георгий Нодарович Цверева. А как ваше имя?

— Меня обычно называют Дронго, — сказал он, сознавая, что этого нельзя делать ни при каких обстоятельствах. Но в него словно вселился какой-то бес, или ему хотелось, чтобы Альбина вышла из своего купе и снова посмотрела на него уже несколько другим взглядом.

Рука Жоры Бакинского повисла в воздухе. Затем он сжал пальцы в кулак. Покачал головой, нехорошо улыбнулся, убрал руку.

— Так, так, — сказал он, — значит, это вы? Тот самый знаменитый Дронго, о котором я столько слышал... Только не говорите, что вы никогда не слышали о Жоре Бакинском. Все равно не поверю.

— Если это вы, то я не знал, что Георгий Цвєрава и Жора Бакинский одно и то же лицо, — спокойно соврал Дронго.

— Не может быть, — убежденно ответил Цвєрава. — Насколько мне известно, вы должны знать все. Абсолютно все. Братья Гогия много про вас рассказывали. Вы ведь у нас известная личность...

— Надеюсь, что они не говорили ничего плохого?

— Нет, — ответил Цвєрава, — про вас говорили, что вы обычно держите слово и не подставляете своих собеседников. Но все равно, вы обычно работаете на другую сторону. Вы ведь мент.

— Вы же прекрасно знаете, что это неправда, и я ни одного дня не работал в милиции. Хотя считаю их работу нужной и полезной, в отличие от вашей.

— Всю свою жизнь вы работали на них, — убежденно произнес Цвєрава. — И как мне теперь нужно расценивать ваше появление в этом

вагоне? Как невероятную случайность? Или вы действительно охотитесь за мной?

— Вы же умный человек, — поморщился Дронго. — Если бы я охотился за вами, неужели я стал бы представляться таким образом? Я бы назвал вам любое имя, и вы бы его приняли. Не говоря уже о том, что мне совсем необязательно говорить свою кличку. Ведь пограничнику я ее не назвал. Она не записана в моем паспорте или в моих документах.

— Она записана в вашей судьбе, — буркнул Цверава.

— Возможно. Но именно поэтому вы должны понимать, что наша встреча — абсолютная случайность. Просто я, как и вы, люблю путешествовать по Европе с комфортом и не очень люблю самолеты.

— Ясно. Альбина, можно тебя на минуту, — обернулся Цверава.

Молодая женщина снова вышла из купе.

— Посмотри, — торжественно показал на Дронго ее спутник, — это один из самых известных сыщиков в мире. Я бы даже сказал — лучший сыщик в мире. Он не любит, когда его называют по имени, и представляется всем как мистер Дронго.

Она взглянула на него. На этот раз в ее зеленых глазах был явный интерес. Еще бы, ведь ее спутник выдает такие эпитеты!

— Не думаю, что самый лучший, — возразил Дронго, — но стараюсь быть как можно профессиональнее.

— Зачем вы в этом вагоне? — не унимался Цверавя.

— А зачем вы именно в этом вагоне? — вопросом на вопрос ответил Дронго.

— Я еду на отдых со своей подругой, — возмутился Жора Бакинский, — и должен поверить, что вы случайно оказались рядом? Я провел в тюрьмах и колониях в общей сложности двадцать семь лет. Меня трудно провести, молодой человек. Вы лет на двадцать моложе меня.

— Я и не думаю вас обманывать. Утверждаю, что это всего лишь случайная встреча. Не стоит быть таким подозрительным. Завтра утром в Берлине мы расстанемся — и, надеюсь, навсегда.

По вагону шли две женщины — сотрудницы польской таможни. Дронго посторонился, пропуская их.

— Вы ничего не будете декларировать? — спросила одна.

— У него дипломатический паспорт, — пояснила ей вторая, — не нужно ничего спрашивать. Извините. Спроси у пассажиров третьего купе.

— У нас нет ничего запрещенного, — сообщил Цверава, глядя в глаза Дронго.

— Да, — подтвердила его спутница, — ничего нет.

Когда женщины скрылись в другом вагоне, Дронго тихо сказал:

— Как видите, я даже не вспомнил об «игрушке», которую вам передал Захар. Хотя такие «игрушки» могут быть очень опасным подарком, особенно в Европе, но это тоже ваше личное дело. Надеюсь, она нужна вам для защиты, а не для мести.

— Вы нас подслушивали? — мрачно осведомился Цверава.

— Если бы у меня были дурные намерения, я бы сейчас просто сдал вас польским властям. И избавил бы себя от такого непредсказуемого соседа, как вы.

Цверава нахмурился. Дронго был прав, и он понимал это. Альбина с любопытством смотрела на Дронго. Кажется, нашелся человек, который посмел возражать ее спутнику и остался в живых.

— Хорошо, — согласился Цверева, — будем считать, что это и вправду случайная встреча. Надеюсь, что завтра утром мы действительно расстанемся навсегда.

Он повернул в свое купе. Затем снова взглянул на Дронго.

— Насчет «игрушки» вы не совсем правы. Я давно вернул ее Захару, можете спросить у него. Зачем мне эти ненужные эксперименты.

— Не сомневаюсь, — ответил Дронго и тоже направился в свое купе.

Альбина молча стояла у окна, глядя на него, но больше не проронив ни слова. Из четвертого купе выглянул Гаврилко и сразу же закрыл дверь. Дронго тоже захлопнул дверь за собой. И в соседнем купе закрылась дверь. После чего Альбина негромко спросила:

— Он действительно такой известный человек?

— Лучший сыщик, — хмыкнул Цверева, — никаких сомнений. Только все знают, на чьей он стороне. Он никогда не бывает за нас, даже если иногда помогает кому-то из наших выпутаться из неприятной истории.

— Ты думаешь, что его послали следить за нами?

— Конечно, нет! Он слишком известный эксперт, чтобы быть еще и «топтуном». Так называют людей, которые следят за своими прикрепленными. Нет, нет. Просто мне не совсем понравилось такое совпадение. Ты же знаешь, что я не верю ни в Бога, ни в черта. Зато я верю в случайность, которая иногда меняет жизнь и судьбу. В общем, мне не понравилась наша встреча. Очень не понравилась.

— Что ты думаешь делать?

— Ничего. Лечь спать. А утром выйти на вокзал и навсегда забыть о нашем соседе.

По коридору прошел проводник, громко объявляя, что состав скоро тронется. Из первого купе выглянула Наталья Робертовна.

— Они закончили свою проверку? — уточнила женщина.

— Да, — ответил проводник. — Вам что-нибудь нужно?

— Принесите мне горячей воды. Я хочу выпить кофе.

— Сейчас принесу вам чайник, — пообещал проводник.

Дронго услышал, как открылась дверь в третьем купе. Кто-то выглянул оттуда. Очевидно, что-то спросить у проводника. Дронго чуть

приоткрыл дверь. Он не мог видеть, кто именно выглянул из третьего купе, но зато видел проводника, который молча смотрел на пассажира, затем быстро кивнул и поспешил к себе.

Едва состав тронулся, в вагоне появился Захар. Дронго услышал сначала осторожный стук в дверь.

— Кто там? — спросил Георгий Цвєрава.

— Это я, Захар, — отозвался гость.

Дверь открылась.

— Все нормально, — сообщил Захар, — прошли границу. Руслан в нашем купе.

— Говори тише, — посоветовал Георгий Цвєрава, — у нас очень неприятный сосед.

— Этот дипломат? Он за вами следит?

— Он не дипломат. Это известный эксперт по вопросам преступности. Самый известный. Сиди спокойно и не дергайся. Вы с Русланом не могли знать его в лицо. Его многие не знают. Слышали только кличку — Дронго.

— Я тоже слышал, — удивленно сказал Захар.

— Вот как раз он и едет рядом в соседнем купе. Это вы проглядели.

— Нужно было сказать нам в Бресте. Костя мог бы сделать так, чтобы он вышел прямо там. Сломал бы себе ногу или руку...

— Дурак, — разозлился Георгий Цверева, — ты, вообще, видел его? Он сломал бы руки-ноги не только Косте, но и вам обоим. Он на целую голову выше любого из нас. Я уж не говорю о его подготовке. Не будь таким самоуверенным кретинном. В общем, так. Когда прибудем в Берлин, пусть посмотрят, куда он поедет. Только осторожно. Он легко обнаружит ваших людей.

— Все сделаем, — заверил его Захар.

Они даже не представляли, что Дронго слышал их разговор. Захар вышел из третьего купе, подошел ко второму. Он хотел постучать, чтобы хотя бы посмотреть еще раз на этого эксперта, но побоялся сделать это без санкции своего грозного босса. Поэтому он повернулся и пошел в свой вагон. Ни Захар, ни проводник, который вышел из своего купе и проводил уходившего долгим взглядом, ни сам Дронго еще даже не подозревали, что до завтрашнего утра доживут не все пассажиры, которые сейчас находились в своих купе, за закрытыми дверями.

Глава 4

Исполняя заказ, проводник принес кипяток для соседки из первого купе. Затем прошел дальше, постучал в дверь второго купе. Дронго открыл дверь.

— Вам что-нибудь нужно? — спросил проводник. Это был напарник того, что встречал их на перроне. Он был выше ростом и шире в плечах.

— Нет, спасибо.

— В час ночи будем в Варшаве, — сообщил проводник, — а утром — в Берлине. Но вас уже не будут беспокоить.

— Хорошо. Спасибо.

— Я хотел принести вам кофе или чай. Может, кипяток в чайнике, если хотите?

— Нет, спасибо.

Дронго никогда не пил воду из открытых емкостей. И тем более не собирался пить воду из чайника, которую вскипятил бы ему этот подозрительный проводник. На такой случай у него был свой небольшой электрический чайник, в котором он кипятил воду из запечатанных бутылок.

Проводник прошел дальше, постучался в третье купе. Ему открыли. Очевидно, женщина вошла в туалет, так как почти минуту пассажир и проводник молчали. Или объяснились знаками, так как Дронго, даже припав к стене, не уловил ни слова.

— Утром, — наконец услышал он проводника.

— Смотри в оба, — слышался тихий голос Георгия Цверавы.

Очевидно, проводник тоже выполнял при нем роль своеобразного телохранителя. Только этим можно было объяснить его повторный проход по коридору. Проводник прошел дальше, постучал в дверь четвертого купе. Ему долго не отвечали. Дронго чуть приоткрыл дверцу. Проводник постучал во второй, в третий раз. Наконец ему ответили.

— Что случилось? — крикнул Гаврилко. — Я принимаю душ.

— Вам что-нибудь нужно? Чай или кофе?

— Позже. Минут через тридцать. Я вам сообщу, — ответил Гаврилко из-за закрытой двери.

Проводник повернул обратно. Дронго захлопнул дверь. Похоже, выезд такого известного криминального авторитета, как Жора Бакинский, был обставлен подобающей королю свитой и охраной. Кроме двоих телохранителей, которые следовали за ним в соседнем вагоне в Берлин, здесь был еще и проводник, который также выполнял роль охранника.

Дронго закрыл дверь на замок, прислонил к дверям свой небольшой чемодан и прикрепил к ручке дверцы ремень, зацепив другой его конец

за ручку двери, ведущей в туалет. Теперь, даже имея ключ от его купе, невозможно было открыть эту дверь, даже дернув изо всех сил.

Сыщик прилег на кровать и постепенно провалился в сон. Проснулся он ровно в час ночи, когда состав въехал на варшавский вокзал. Повсюду горели огни. Вокзал находился в самом центре города под землей. Это была своего рода достопримечательность столицы Польши.

На вокзале в такое позднее время почти никого не было. Дронго поднял голову, посмотрел в окно. Пустой перрон. Возможно, все спят, кроме телохранителей его соседа. Он усмехнулся. Такое количество разных людей хлынуло в Европу и в Америку после падения «железного занавеса»! И не всегда это были добропорядочные налогоплательщики.

По перрону прошли трое — двое мужчин и женщина, на голове которой был платок. «Странно, — подумал Дронго, — ночью на варшавском вокзале женщина в туго повязанном платке... Впрочем, почему бы и нет? У каждого свои предпочтения». Он снова положил голову на подушку и уснул.

Спал сыщик всегда чутко, просыпаясь от малейшего шороха. На этот раз он проснулся от

какого-то непонятного шума, словно услышал приглушенный стон из соседнего купе. Дронго поднял голову и взглянул на часы. Шестой час утра. Из-за стенки больше не доносилось ни одного звука. Словно кто-то увидел во сне кошмар и застонал. Или ему так показалось? Неудивительно, если его соседу снятся кошмары. Говорят, на его совести несколько людей, которых он лично убил. А число тех, кого он приказал убить, даже трудно представить. И среди них было очень много людей из криминального мира, которые не хотели признавать авторитет Жоры Бакинського. Ему приходилось доказывать свое превосходство столь кровавым способом.

Он вспомнил, что в Баку как легенду рассказывали историю о том, как Жора Бакинський сбежал из городского управления милиции, переодевшись в милицейскую форму. Уже потом, через некоторое время, стало известно, что ничего особенного не случилось. И бегство «вора в законе» было хорошо подготовлено его сообщниками. Следователь получил крупную сумму денег и согласился выйти на несколько минут из своего кабинета, оставив подследст-